

РУСЬ И ОРДА

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И НАСЛЕДНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В XV в.: начальная история Касимовского ханства

Б. Р. Рахимзянов
(Казань, Россия)

1.

Международная обстановка в Восточной Европе в 30–50-х годах XV в. была весьма своеобразной. Золотая Орда, некогда чрезвычайно сильное и могущественное государство, доживает в своем прежнем статусе последние годы, постепенно распадаясь на ряд самостоятельных государств. После ухода беклярибека Идиге (являлся фактическим правителем в Орде с 1396 по 1410 гг.) Золотая Орда уже не могла играть прежней значительной роли в Восточной Европе и Азии. После 1410 года правильнее употреблять термин «Большая Орда», которая явилась основным в династическо-территориальном плане наследником Золотой Орды (до 1502 г.). На территории Джучиева Улуса, в который входила и территория Среднего Поволжья, центробежные тенденции проявились особенно явственно. Здесь в 30–40-е годы XV в. образуется один из «осколков» Золотой Орды — Казанское ханство.

Обратим свое внимание на территорию русских земель. Применительно к середине XV в. говорить о Русском государстве нельзя, данный термин относительно этого периода — не более чем абстракция. Русского государства не существовало ни юридически, ни фактически. На территории будущего (!) Русского государства находились следующие независимые княжества: Московское, Ярославское, Ростовское, Рязанское, Тверское. Псковская и Новгородская феодальные республики также сохраняли независимость. Усилившееся Московское княжество претендовало на господство над остальными русскими землями, однако процесс вовлечения их в орбиту московской политики еще не был завершен.

Заострим внимание на отношениях Москвы и Рязанского княжества. Великий князь Рязанский Иван Федорович (правил в Рязани в 1427–1456 гг.) в начале своего правления ориентировался не на Москву, а на Литву в лице Витовта. По договору с ним рязанский князь признает над собой покровительство Витовта и обещает только в том случае помогать Москве, если этого захочет Витовт⁶⁶. Однако ситуация изменилась после смерти Витовта в 1430 г. Рязань стала прочно ориентироваться на Москву, признавая ее старейшинство. Во время борьбы Василия II и Юрия Дмитриевича рязанский князь колебался между тем и другим⁶⁷; в 1447 г. Иван Федорович

⁶⁶ ДДГ. М.; Л., 1950. № 25. С. 67–68.

⁶⁷ См. его договор с Юрием Дмитриевичем: ДДГ. № 33. С. 83–87.

© Б. Р. Рахимзянов, 2006

заключил договор с Василием II, по которому Темный обещает ему защиту от Литвы⁶⁸. Зависимость Рязани от Москвы видна из договора Василия II с Казимиром⁶⁹.

Особое место в структуре земель Рязанского княжества имел Мещерский Городок и прилегающая к нему территория⁷⁰. Он располагался в той части Рязанского княжества, которая носила название «Мещерские места», «Мещера». Ее статус в договорных грамотах оговаривался особо: «... А что Мещерская места, что будет поупил князь велики, дед твои, Олег Иванович (великий князь рязанский в 1350–1402 гг. — *Б. Р.*), или отец твои, князь Великий Федор Олгович (великий князь рязанский в 1402–1427 гг. — *Б. Р.*), или вы (великий князь рязанский Иван Федорович, 1427–1456 гг. — *Б. Р.*), или ваши бояре, и в та места тебе, великому князю Ивану, не вступатися, ни твоим бояром, знати ти свое серебро и твоим бояром. А земля к Мещере по давному. А порубежье Мещерским землям, как было при великом князи Иване Яровлавиче, и при князе Александре Уковиче»⁷¹. Как видим, несмотря на то, что «Мещерские места» в свое время были приобретены рязанскими князьями, к моменту договора (1447 г.) они являлись собственностью московского великого князя, и рязанскому великому князю и его боярам запрещено было «вступатися» туда. Поэтому если «князи мещерские (предводители местных языческих племен — мещеры и мордвы. — *Б. Р.*) не учнут мне, великому князю (Василию II. — *Б. Р.*) правити, и тебе (рязанскому великому князю Ивану Федоровичу. — *Б. Р.*) их не приимати, ни в вотчине своей их не держати, ни твоим бояром, а добывати ти их мне без хитрости по тому целованью»⁷².

Таким образом, «Мещерские места» были собственностью Москвы. Об этом говорят и договорная грамота Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром (1449 г.)⁷³, и договорная грамота Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем⁷⁴. Подтверждают это и более ранние документы⁷⁵, самый первый из которых относится к 1382 г.⁷⁶ Итак, Мещера была собственностью Москвы никак не позднее 1382 г.

В 1456 г. Иван Федорович скончался, завещая Василию II попечительство над своим восьмилетним сыном Василием Ивановичем. Ребенок остался в Москве, где и воспитывался, а в городах и волостях Рязанского княжества сидели московские наместники. В 1464 г. Василий Иванович отправился на княжение в Рязань, женившись на сестре Ивана III Анне, которая стала проводником московской политики в Рязани. Таким образом, уже в 40–50-х годах XV в. (а тем более позже) Рязань была прочно привязана к колеснице московской политики.

Итак, можно отметить, что к середине 40-х годов XV в. Золотая Орда была уже ослаблена центробежными тенденциями, но еще осознавалась в понимании современников (как ордынцев, так и русских людей) как единое целое (хотя фактически таковой уже не являлась). Московское княжество, ввергнутое в кровопролитную феодальную войну, было еще недостаточно сильным, чтобы задумываться о будущем своей внешней политики и международного положения. Казанское ханство как

⁶⁸ Там же. № 47. С. 142–145.

⁶⁹ Там же. № 53. С. 160–163.

⁷⁰ Территория будущего Касимовского ханства.

⁷¹ ДДГ. № 47. С. 144.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. № 53. С. 162.

⁷⁴ Там же. № 83. С. 330.

⁷⁵ См.: Там же. № 16. С. 44; № 19. С. 54; № 33. С. 85.

⁷⁶ Там же. № 10. С. 29.

независимое политическое образование еще не оформилось, но уже заявило о себе как об агрессивном и сильном соседе русских земель, зачастую использовавшем благоприятно складывающуюся для него конъюнктуру в своих целях.

В этой сложной исторической обстановке происходит рождение в середине XV в. нового этносоциального организма — Касимовского ханства, просуществовавшего на политической карте в совокупности около 250 лет, что несомненно является немалым сроком. Жизни этого государственного образования сопутствовало немало дискуссионных вопросов — например, как могло находиться мусульманское государство с мусульманским правителем во главе почти в центре православной России, а также то, как соотносятся устремления Ивана Великого к централизации русских земель с существованием особого «удела», ведущего казалось бы к дроблению территории Русского государства? Спорным представляется и само условие образования Касимовского ханства — насколько добровольной мерой был этот шаг московского правительства; вызвано ли было его образование внутренними потребностями Московского государства или же было продиктовано извне, в силу каких-либо внешних обстоятельств?

2.

В 1437 г. в Золотой Орде произошел очередной переворот: Улуг-Мухаммад был лишен престола Кучук-Мухаммадом. Одновременно в западной части Орды (к западу от Днепра) хозяином стал хан Сеид-Ахмад⁷⁷.

В отношении образования Казанского ханства я склонен поддержать точку зрения М. Г. Худякова, что ханство фактически было образовано в 1437–1438 гг. Улуг-Мухаммадом⁷⁸. Вельяминов-Зернов считает годом возникновения ханства 1445 и первым ханом соответственно сына Улуг-Мухаммада Махмуда⁷⁹. При этом исследователь опирается на данные Воскресенской летописи, которая сообщает, что осенью 1445 г. Махмуд, взяв Казань, убил князя Либя (Алим-Бека)⁸⁰. Никоновская летопись добавляет к этому: «И оттоле нача ханство быти Казаньское»⁸¹. По Государеву родословцу, также «Момотьяк . . . первый царь на Казани»⁸². Однако, как правильно отмечает А. А. Зимин, все эти тексты позднего происхождения (не ранее XVI в.) и противоречат другим источникам, говорящим, что первым казанским ханом был Улуг-Мухаммад⁸³.

В пользу версии занятия Улуг-Мухаммадом около 1437–1438 гг. именно Казани, а не какого-либо из русских городов (Белева, Нижнего Новгорода, Мурома, как полагают некоторые современные исследователи) говорит вся внутренняя логика распада Золотой Орды. В данном случае непродуктивно слепо следовать за русскими летописцами, фиксировавшими события 30–50-х годов XV в. крайне тенденциозно и зачастую просто путанно. Русские земли являлись частью Золотой Орды, но на

⁷⁷Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 117–118, 126, 140–141, 150; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 242–244, 258–260.

⁷⁸См.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 22–32.

⁷⁹Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 5–7.

⁸⁰ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 114.

⁸¹Там же. Т. 13 (1-я пол.). СПб., 1904. С. 251.

⁸²Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. . . изданная по самовернейшим спискам. Ч. 1. М., 1787. С. 26.

⁸³Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 105.

особых условиях. Они были «государством в государстве». Этого нельзя сказать о территории бывшей Волжской Булгарии, где монгольские завоеватели правили после событий 1236 г. сами, без помощи местных династий, как в случае с Северо-Восточной Русью. Поэтому ханы-изгои, лишившиеся сарайского престола, оседали на периферии Улуг Улуса, где местные домонгольские династии давно были ликвидированы. Примеров тому множество — Хаджи-Гирей осел в Крыму, Махмуд, потерпевший неудачу в борьбе со своим братом Ахмадом, занял Астрахань. Вторгаться с целью постоянного оседания на территорию Руси, где была достаточно сильна собственная система управления, да и военная организация, и к тому же население исповедывало христианство, а не ислам, было и нелогично, и слишком сложно, и попросту опасно. Вообще, по всей видимости, образование Казанского ханства было достаточно длительным процессом, начавшимся со времени изгнания Улуг-Мухаммада из Сарая в 1437 г. и закончившимся в 1445 г.

Утвердившись в Казани, Улуг-Мухаммад намеревался, как и в 20-е годы, бороться за возвращение себе общеордынского (сарайского) престола. Он начал свои набеги на русские земли уже с 1439 г., когда был предпринят первый поход. Целью их, по всей видимости, было восстановление прежних отношений «сюзерен — вассал» между царем — Улуг-Мухаммадом и его вассалом, получившем ярлык из его рук, — Василием II (в том числе и выплаты «выхода»). Особенно он активизировал свои действия к середине 40-х годов XV в.⁸⁴ Зимой 1444 г. Улуг-Мухаммад не только вошел в «старый» Нижний Новгород, но и взял Муром, затем «седе в Муроме»⁸⁵. Василий II, будучи в это время московским великим князем, решил выйти из повиновения сюзерену, которому был обязан ярлыком, и выдворить хана за пределы Московского великого княжества. Его поход против Улуг-Мухаммада закончился успешно, и 26 марта 1445 года Василий II вернулся в Москву⁸⁶.

Весной 1445 г. внешнеполитическая ситуация на востоке осложняется — Улуг-Мухаммад посылает на Русь своих сыновей Махмуда и Якуба⁸⁷. 6 июня 1445 г. русские войска вышли к р. Калинке и остановились у Спасо-Евфимиева монастыря, в непосредственной близости от Суздаля⁸⁸. Как отмечают многие летописи, вечером этого дня у великого князя была продолжительная пирушка. По всей видимости, физическое состояние войска и великого князя на следующий день 7 июля оставляло желать лучшего. В битве с сыновьями Улуг-Мухаммада русское войско было полностью разгромлено, а сам Василий II, князь Михаил Андреевич Верейский и множество других князей, бояр и детей боярских попало в татарский плен⁸⁹. Все они были отвезены в Нижний Новгород к Улуг-Мухаммаду.

В Москве, после того как было получено известие о плене Василия II, великокняжеская власть перешла к его сопернику Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Он стал на Руси старшим в роде Калиты и до тех пор, пока Василий II находился в плену, обладал великокняжеским престолом согласно традиционным представлениям о порядке наследования.

Василий II находился в плену достаточно длительное время — с 7 июля по 1 ок-

⁸⁴ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 62.

⁸⁵Там же. Т. 23. СПб., 1910. С. 151; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 196–197; Т. 12. С. 64.

⁸⁶Там же. Т. 26. С. 197; Т. 4. Ч. 1. Л., 1925. С. 454.

⁸⁷Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 395; Т. 23. С. 151; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 103; М.; Л., 1962; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 109; Т. 26. С. 197 и др.

⁸⁸Об этом свидетельствует то, что 6 июля 1445 г. Василий II выдал жалованную грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю, которую скрепил Алексей Игнатьевич (АСЭИ. М., 1958. № 447. С. 488).

⁸⁹ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 492; Т. 30. М., 1965. С. 134; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 426.

тября 1445 г.⁹⁰ По всей видимости, в это время у Василия установились неплохие отношения с младшими сыновьями Улуг-Мухаммада — Касимом и Якубом, так как в дальнейшем, в 1446 г., татары из войска этих султанов говорили, что «много бо добра его было до нас»⁹¹. Султан же Махмуд (по косвенным данным, имеющимся в летописях, можно сделать вывод о том, что он был старшим сыном Улуг-Мухаммада — например, он всегда упоминается первым после Улуг-Мухаммада, постоянно присутствует с отцом и принимает вместе с ним решения; сказать же этого о Касиме и Якубе нельзя; к тому же Махмуда прямо называет старшим сыном «Казанский летописец»⁹²), напротив, выступает по летописям как непримиримый противник русских; будучи вторым казанским ханом, он проводил по отношению к Руси жесткую политику.

После недоразумения с послом Бегичем (наиболее дорого оно стоило ему самому — он поплатился жизнью) Улуг-Мухаммад отпустил Василия II и других пленников в Москву⁹³. При этом, по материалам русских летописей, Улуг-Мухаммад обязал Василия II выплатить ему большой «выкуп», в оценке размеров которого летописцы расходятся. Выкуп стал, по всей видимости, своеобразной «компенсацией» за неповиновение Улуг-Мухаммаду как сюзерену. Кроме того, Василий II возвращался в сопровождении значительного татарского отряда.

Московские летописцы 70-х годов XV в. тактично умалчивали о размерах выкупа Василия Васильевича и татарам, писали только, что великий князь отпущен был с ордынцами с обещанием дать им «окуп», «сколько может»⁹⁴. При этом новгородские данные говорят, что выкуп составлял 200 тыс. руб., «а иное Бог весть да они»⁹⁵. Псковские летописи сообщают, что Василий II только пообещал татарам 25 тыс. руб. (соответственно мог ничего им и не дать), хотя также отмечают, что он привел с собой 500 татар⁹⁶. Тверской летописец записал, что с Василием II пришли «татарове дани имати великие, с себе окуп давати татаром»⁹⁷.

Таким образом, можно отметить, что выкуп за освобождение Василия II и прибытие с ним на Русь татар фиксируют практически все доступные исследователю русского средневековья источники. Трудно допустить мысль, что почти все русские летописи говорят о том, чего на самом деле не было.

М. Г. Худяков считал, что при отпуске Василия II из плена Улуг-Мухаммад составил с ним мирный договор (условия освобождения великого князя). Однако он, да и другие исследователи недоумевали по поводу юридической неоформленности в письменном виде этого большого по значению «межгосударственного» акта. На самом деле здесь нет ничего странного. «Ларчик» открывался довольно просто, если рассматривать ситуацию, имея в виду особенности международных правовых норм той эпохи, когда ордынские ханы были общепризнанными сюзеренами, а московские великие князья являлись их беспорными вассалами. Василий II при вступлении на великокняжеский престол (в 1428 г.) получил из рук хана («царя») Улуг-Мухаммада ярлык на правление в Москве. После изгнания Улуг-Мухаммада из Сарая и Крыма Василий, желая воспользоваться смутой в Орде, решил переметнуться на сторо-

⁹⁰ПСРЛ. Т. 26. С. 199; Т. 23. С. 151–152.

⁹¹Там же. Т. 6. СПб., 1873. С. 177; Т. 8. СПб., 1859. С. 120; Т. 26. С. 206 и др.

⁹²Там же. Т. 19. СПб., 1903. С. 20.

⁹³Там же. Т. 26. С. 199; Т. 23. С. 151–152.

⁹⁴Там же. Т. 26. С. 199.

⁹⁵НПЛ. С. 426.

⁹⁶Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 47.

⁹⁷ПСРЛ. Т. 15. Стб. 492.

ну другого хана, т. е. попытался восстать против своего прежнего сюзерена. Однако, потерпев в 1445 г. сокрушительное поражение от войск Улуг-Мухаммада, оказавшись в плену, надо полагать, покаялся и признал законность, а может быть, даже «незыблемость» своей вассальной зависимости от Улуг-Мухаммада. Поэтому юридически не было никакой надобности создавать подобный договор. Никакой новый «межгосударственный» акт не требовался, происходило лишь подтверждение прежних правопрядков. Ярлык Улуг-Мухаммада, выданный им Василию II на великое княжение, сохранил свою силу.

Таким образом, для Василия II Улуг-Мухаммад был и оставался в 1445 г., как и прежде, ордынским ханом, а не только казанским правителем. Казань в то время не воспринималась Василием II как центр самостоятельного государства, а продолжала оставаться частью Золотой Орды. Такое положение было выгодно как для Василия II при его длительной борьбе за власть с Дмитрием Шемякой, так и для Улуг-Мухаммада, считавшего себя законным правителем всей Золотой Орды и мечтавшего, согласно элементарной логике, вернуть утраченные владения. Иначе говоря, признание Казани центром суверенного государства, а Улуг-Мухаммада — главою этого нового ханства автоматически сделало бы великое княжение Василия II нелегитимным. Вот почему московские политики и отражающие их взгляды и устремления русские летописцы вели себя по отношению к фактическому основателю казанской династии, т. е. ханства, очень корректно, не изображая его правителем лишь небольшой части великой империи. Поэтому-то договора 1445 г. и не было, а была лишь, по всей видимости, устная договоренность (возможно, в форме приказа, как и общались всегда ордынские «цари» с нижестоящими русскими князьями) о передаче некоторых русских городов «в кормление» татарам и о выкупе за «отпуск» великого князя.

Вопрос относительно загадочного «отсутствия» письменного «договора» от 1445 г., следовательно, надо решать не в плане локальных проблем, в частности, проблем взаимоотношений Москвы с Касимовым, даже с Казанью, он получает полноценный ответ лишь при рассмотрении его в контексте более крупных явлений, а именно золотоордынско-русских взаимоотношений в целом.

Я считаю, что одним из пунктов этой устной договоренности между Улуг-Мухаммадом и Василием была раздача русских городов «в кормление» татарам. Об этом говорят и более поздние данные: после «поимания» Василия II Шемякой в феврале 1446 г. и его ослепления великому князю вменялось в вину то, что он привел на Русь татар (сведения эти содержат новгородские летописи, незаинтересованные в приукрашивании московского великого князя и московской политики вообще): «Чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, и злато и серебро и имение даешь татаром»⁹⁸. В упреке о раздаче татарам городов и волостей в «кормление» подразумевались, скорее всего, татарские султаны (царевичи).

На мой взгляд, одним из этих султанов был Касим — средний сын Улуг-Мухаммада. Ему достался своеобразный «удел» — Мещерский Городок на Оке (территория Рязанского княжества), основанный еще в 1152 г.⁹⁹ В дальнейшем за этим городом закрепилось название имени его первого владельца.

Таким образом, первоначальное выделение Касиму Городца (так тоже назывался

⁹⁸Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 443.

⁹⁹Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891. С. 2–3.

«Городец Мещерский», в будущем город Касимов) не являлось добровольной мерой московского руководства. Ни о каких далеко идущих целях оно в 40–50-х годах XV в. не думало. В мыслях Василия II были не стратегические планы по завоеванию Казанского ханства, а желание откупиться от Улуг-Мухаммада.

В пользу данной версии образования Касимовского ханства на политической карте Восточной Европы говорят и материалы более позднего источника — договорных грамот. Одной из наиболее важных является договорная грамота Ивана III с рязанским великим князем Иваном Васильевичем (датированная 9 июня 1483 г.). Проанализируем более подробно интересующую нас часть текста грамоты:

... А со царевичем с Данияром¹⁰⁰, или кто будет иныи царевич на том месте, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо. А жити ти с ними по нашему докончанью. А что шло царевичю Касыму и сыну его Данияру царевичю с вашии земли при твоём деде, при великом князи Иване Федоровиче, и при твоём отце, при великом князи Василье Ивановиче, и что царевичевым князем шло, и их казначеем, и дарагам¹⁰¹, а то тебе давати с своеи земли царевичю Данияру, или кто иной царевич будет на том месте, и их князем, и княжим казначеем, и дарагам по тем записем, как отец мой, князь велики Василей Васильевич, за твоего отца, за великого князя Василья Ивановича, кончал со царевичевыми с Касымовыми князми, С Кобяком са Аидаровым сыном да с — Ысаком с Ахматовым сыномъ»¹⁰².

Как видим, традиция установления особых отношений с касимовскими татарами возводится к временам рязанского великого князя Ивана Федоровича, умершего в 1456 г. Следовательно, к 1456 г. Касимовское ханство уже точно существовало. Рязанский великий князь Иван Васильевич обязывался платить то, что «шло царевичу Касыму... при великом князи Иване Федоровиче... и что царевичевым князем шло, и их казначеем и дарагам».

В начале текста говорится: «... А со царевичем с Данияром, или кто будет иныи царевич на том месте, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо». Все, что говорится применительно к Данияру, сыну Касима, может быть отнесено и к нему самому. Запрет на установление контактов («ни съсылатися») и заключение договоров («не канчивати») с Касимом ясно указывает нам на то, что московское правительство видело в Касиме какую-то силу, раз не разрешало своему вассалу — рязанскому князю, «съсылатися» с ним. В отношении Касима явно чувствуются опасения со стороны Москвы, недоверие и крайняя осторожность. Вряд ли такое отношение могло быть к царевичу, которому Василий II, исходя из своей воли, пожаловал город в Русской земле. Такой опасный жилец на Руси мог появиться только в силу невыгодных для Москвы обстоятельств, когда выбора у московского правительства просто не было (такая ситуация и наблюдалась в 1445 г., при отпуске Василия II из татарского плена).

В тексте грамоты говорится о каких-то денежных выплатах, которые совершались Касиму рязанской стороной:

¹⁰⁰ Данияр — сын Касима, второй правитель Касимовского ханства (1469–1486).

¹⁰¹ Дараги (даруги) — во внутренней иерархии государств — наследников Золотой Орды сборщики дани для своих правителей, а также для их князей.

¹⁰² ДДГ. № 76. С. 284.

...А что шло царевичю Касиму и сыну его Данияру царевичю с ваше (рязанской. — *Б. Р.*) земли при твоём деде, при великом князи Иване Федоровиче, и при твоём отце, при великом князи Василье Ивановиче...

Причем договаривался о порядке этих выплат московский великий князь Василий II, а не рязанский великий князь Василий Иванович (Василий II договаривался «за великого князя Василия Ивановича», т. е. вместо него). Из данной договорной грамоты не ясен характер этих выплат; однако этот вопрос проясняют другие договорные и некоторые духовные грамоты (см. ниже). В завещании удельного вологодского князя Андрея Васильевича (духовная грамота, датированная не позднее марта 1481 г.), говорится: «... Дати ми своему господину, своему брату старейшему, великому князю Ивану Васильевичю, тритцать тысяч рублев, что за меня в Орды давал, и в Казань, и в Городок царевичю, и что есми у него себе имал»¹⁰³. Из текста становится ясно, что Иван III платил какое-то время «выход» в Касимов вместо Андрея Васильевича, и последний отдаёт ему долг. Итак, вне всякого сомнения, «выход» в Касимов платился.

В договорной грамоте великого князя Василия Ивановича (будущий Василий III) с князем Юрием Ивановичем (16 июня 1504 г.) читаем:

...А Орды ведати и знати мне, великому князю. А тебе Орд не знати. А в выходы ти в ордынские, и в Крым, и в Асторохонь, и в Казань, и во Царевичев городок (так тоже в XV–XVI вв. назывался Касимов. — *Б. Р.*), и в ыные цари и во царевичи, которые будут у меня в земле, или у моего сына, у великого князя, и во все татарские проторы давати ти мне и моему сыну, великому князю, со всее своеи отчины по тому, как отец наш, князь велики, в своеи духовной грамоте написал. А коли мы в выходы в ордынские и в татарские проторы не дадим, и нам и у тебя не взяти¹⁰⁴.

Из документа становится ясно, что за выплаты совершались Касиму и следующим за ним касимовским владельцам — это был «выход», т. е. дань, которая платилась в Касимов со стороны как Московского княжества, так и Рязанского. Дань в Касимов платилась наравне с данью в Крым, Астрахань, Казань, как раньше платила Русь ненавистную дань Золотой Орде. В данном случае отношении Москвы к касимовскому царевичю может быть сравнимо с отношением Москвы к наследникам Золотой Орды, так как любые сношения с ними также особо оговаривались, и московские правители зорко следили за тем, чтобы вассальные им князья не имели контактов с этими государствами.

Вне всяких оговорок, дань не может платиться слуге, каковыми часто историки представляют касимовских ханов и султанов. Конечно, относительно 1504 г. можно утверждать, что касимовские правители уже являлись «слугами» московского великого князя в полной мере; однако дань им платилась по-прежнему, видимо, в силу устоявшейся традиции. А эта традиция восходит к 1445 г., когда выделение Касиму Мещерского городка и выплата туда дани легли тяжелым бременем на Василия II и Касим был далеко не слугой Василия, а, напротив, сыном могущественного Улуг-Мухаммада, который направил своего сына в формирующееся Русское государство для укрепления своего международного влияния и получения с Москвы огромных денежных средств за «отпуск» великого князя из плена.

¹⁰³ Там же. № 74. С. 275.

¹⁰⁴ Там же. № 90. С. 367.

Таким образом, из текста данной грамоты Касимовское ханство выступает как еще один наследник Золотой Орды, в совокупности с Большой Ордой, Крымским, Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами.

Юрий Иванович, со своей стороны, подтвердил свои обязательства по выплате дани в Касимов¹⁰⁵.

В завещании Ивана III (духовная грамота, датированная ранее 16 июня 1504 г.) мы находим подтверждение информации предыдущего источника о выплате дани в Касимов¹⁰⁶. Еще одно подтверждение содержится в договорной грамоте Василия III с дмитровским князем Юрием Ивановичем (датирована 24 августа 1531 г.)¹⁰⁷, а также в договоре между Владимиром Андреевичем Старицким и царем Иваном IV (датирована 12 марта 1553 г.)¹⁰⁸. Таким образом, дань в Касимов платилась в течение всей первой половины XVI в.! Такова была сила традиции.

Относительно выплаты дани замечу следующее. Видимо, требования Улуг-Мухаммада после суздальской победы не ограничивались получением большого «окупа» за возвращение свободы великому князю, а касались более постоянных даннических обязательств — исправного платежа «выхода»¹⁰⁹. Факт систематического сбора дани с земель великого княжества для отсылки в Орду не подлежит сомнению; вопрос о платеже «выхода» включался во все договорные грамоты великого князя с удельными князьями этого времени, как мы видели выше. Труднее установить, в какую Орду вносился этот «выход». Как видим, в некоторых грамотах в числе тех, кто являлся получателем дани, наряду с Казанским, Крымским, Астраханским ханствами и Большой Ордой названо и Касимовское ханство.

Следовательно, в начале своего пребывания в русских землях, с 1445 г., Касим не мог быть пешкой в руках московского великого князя и получил Мещерский Городок по невыгодным для Москвы условиям устной договоренности 1445 г. между Улуг-Мухаммадом и Василием II. Однако в дальнейшем, по мере усиления Московского княжества и образования единого Русского государства, укрепления его международного положения, статус Касима и других следовавших за ним правителей Касимова изменился.

Изменение это не было внешним — владельцы, стоявшие во главе Касимовского ханства после Касима, все так же получали «выход», официально являлись царями и царевичами в ханстве. Изменение состояло в том, что зависимость формирующегося Русского государства от Казанского ханства, обусловленная ситуацией 1445 г., с усилением Русского государства прекратилась; теперь не могло быть и речи о какой-либо зависимости и от касимовских ханов и султанов как своеобразных «кормленщиков», «помещенных» в Русь по условиям 1445 г.

Однако московское правительство не упразднило Касимовское ханство. Одной из причин его сохранения на политической карте можно назвать нежелание московского правительства напрямую, самому управлять «инородческим» населением (мордва, мещера, которые еще были язычниками), жившим в Мещерской земле; для этих целей и использовался касимовский правитель. В более широком смысле можно отметить, что Москва стала основным политическим наследником Золотой Орды,

¹⁰⁵ Там же. С. 369.

¹⁰⁶ Там же. № 89. С. 362.

¹⁰⁷ Там же. № 101. С. 417, 419.

¹⁰⁸ СГГД. Ч. 1. № 167. М., 1813. С. 461.

¹⁰⁹ См.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 55.

чары, образ, пример которой был тем своеобразным маяком, к которому стремилась Москва. Русские князья воссоздавали ту систему, структуру, модель золотоордынского государства, на роль которой претендовала Московская Русь. В Золотой Орде тюркоязычное население было объединено на одних условиях, а русские земли имели особый статус. Они были частью Орды, но государством в государстве. Такую же участь Василий II и Иван III уготовили и Касимовскому ханству, да и не только ему. К тому же стратификация дворянства в Русском государстве определилась в последней трети XV в., принцип же территориально-уездной корпорации «работал» и менять что-либо в социальном, материальном, организационном устройстве дворянства из-за постоянных войн было просто некогда.

Итак, говоря о второй половине XV в. в целом, можно сделать вывод, что распад Золотой Орды выразился не только в отрыве от нее наиболее культурных областей и образования из них самостоятельных ханств, но и в появлении на территории формирующегося Русского государства специальных татарских вассальных образований.

3.

В октябре 1445 г. Василий II вступил на территорию Московского княжества. По данным русских летописей, вначале он прибыл в Муром, откуда направился во Владимир. «И бысть радость велика всем градом Русским», — с умилением пишет позднейший московский летописец¹¹⁰. Безусловно, русские люди испытывали радость — все же великий князь возвращался из плена, но настроение, скорее всего, было все-таки тревожным: Василия II сопровождал внушительный татарский эскорт. В числе этого эскорта были и сыновья Улуг-Мухаммада Касим и Якуб, которые направлялись в Москву для решения последних организационных вопросов по поводу размещения ханских людей в Московском княжестве. В Москву Василий II прибыл на Дмитриев день (26 октября)¹¹¹. Вскоре после этого, по всей видимости, Касим вместе со своим младшим братом Якубом двинулись в предоставленный Касиму Мещерский Городок. Якуб не получил отдельного города в «удел», и, вероятно, жил вместе с Касимом в Мещере, где не являлся соправителем и никаких прав на Касимовское ханство не имел.

Однако обстановка в Московском княжестве была далеко не простой. Дмитрий Шемяка, вкусивший сладость верховной власти, не собирался примириться с новым порядком вещей. Шемяка понимал, что обстановка недовольства военным поражением (пленением великого князя и протатарской политикой Василия II) сейчас благоприятствовала его властолюбивым замыслам. Поэтому он взял на себя инициативу создания блока тех сил, которые склонялись к мысли о необходимости устранения Василия II с великокняжеского престола.

Остановимся поподробнее на роли Касима и Якуба в феодальной войне в Московском княжестве во второй четверти XV в. В конфликте между Дмитрием Юрьевичем и Василием Васильевичем после суздальского поражения и пленения Василия II появился новый нюанс: Василий II стал олицетворять собой протатарскую политику. Именно из рук Улуг-Мухаммада Василий II получил великое княжение, по

¹¹⁰ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 264. — В более раннем Московском своде: «бысть радость велика всем руским князем» (Там же. Т. 26. С. 199); по Ермолинской летописи, «бысть радость велика и плачь от радости всем градом русским, отчине его» (Там же. Т. 23. С. 152).

¹¹¹Там же. Т. 23. С. 152; Т. 26. С. 199; Т. 15. Стб. 492 (16 ноября).

результатам суздальского поражения 1445 г. «привел татар на Рускую землю», и вообще в своей как внутренней, так и внешней политике Василий был настроен про-татарски. В свою очередь, Касим и Якуб, заинтересованные в полном выполнении условий 1445 г., соответственно во внутренних конфликтах Московского княжества поддерживали именно Василия II, а не кого-либо другого — он был их данником и вассалом Улуг-Мухаммада, он платил «выход» в Казань и Касимов, он в своей политике ориентировался на хана. Поэтому-то они, как увидим ниже, всегда в военных конфликтах между Шемякой и Василием Темным выступали на стороне последнего. Им было далеко не безразлично, кто будет сидеть на великом княжении — от этого зависела их судьба в Московском княжестве.

Всем этим умело пользовался Дмитрий Шемяка, распуская слухи о планах ордынцев завладеть всей Северо-Восточной Русью. Менее заинтересованная в приукрашивании московского великого князя Вологодско-Пермская летопись, созданная в середине XVI в., сообщает, что Василий II якобы «царю целовал, что царю сидети на Москве, и на всех градах Руских и на наших отчинах, а сам хочет сести на Тфери»¹¹². Подобные планы Василия II или ордынцев кажутся все же маловероятными. Однако это сообщение показывает, какого накала достигала обстановка недовольства пребыванием в Московском княжестве ханских людей и татарских султанов в том числе.

В феврале 1446 г. Дмитрий Шемяка в союзе с князем Иваном Можайским захватил Василия II в Троицком монастыре во время богомолья. В ночь с 13 на 14 февраля Василия II привезли в Москву и ослепили, а затем сослали в заточенье в Углич. Москва снова оказалась в руках Дмитрия Шемяки.

Этот поворот событий был явно не в пользу татарских султанов. Они бежали в Литовскую Русь, куда направились и некоторые московские служилые люди. По сведениям Львовской летописи, этими султанами были Касим и Якуб¹¹³; Ермолинская летопись говорит о Касиме, Якубе и еще одном служилом царевиче, уже достаточно давно служившем у Василия II — Бердедате¹¹⁴. Учитывая то, что в конце 1446 г. летописи говорят только о двух царевичах на службе у Василия II — о Касиме и Якубе¹¹⁵, то представляется возможным, что уже после битвы 7 июля 1445 г. на службе у Василия II Бердедат не находился и сведение Ермолинской летописи ошибочно.

Победа Дмитрия Шемяки над Василием II вызвала явное недовольство у ордынских покровителей Василия Васильевича в Казани¹¹⁶. Ответ их не заставил себя долго ждать. 17 апреля 1446 г. («на Велик день») казанские татары, простояв три дня под Устюгом, предприняли попытку взять его штурмом. Они «приступили к городу, несучи на головах насад». Насады (лодья) должны были защитить татар от града камней, выстрелов, стрел и копий, которые сыпались на них с крепостной стены. Хотя казанцы и подожгли городские укрепления, город им не удалось захватить. Они отошли от Устюга, получив с него «откуп, копейщину, за 11000 денег и всякою рухлядью», т. е. мехами. В Устюг меха поступали из северных земель и отсюда шли на рынки в Новгород, по Волге и в центр. Не удалось казанским татарам взять и плена. Затем они, миновав Галич, «приходили . . . на Кичменгу» и вверх по

¹¹²Там же. Т. 26. С. 200.

¹¹³Там же. Т. 20 (1-я пол.). СПб., 1910. С. 260.

¹¹⁴Там же. Т. 23. С. 153.

¹¹⁵Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 455; Т. 26. С. 207.

¹¹⁶Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 113.

Югу через волок направились на Ветлугу, приток Волги. Возвращаясь в Казань, они плыли на плотах, «да в полоех тонули». Из отборного отряда (в набеге на Углич принимал участие «царев двор» численностью 700 человек) в Казань вернулось всего 40 человек¹¹⁷.

Как видим, сын Улуг-Мухаммада хан Махмуд (правил в Казани в 1445–1461 гг.) был явно не доволен тем, что ставленник его отца Василий Темный был свергнут с престола. Касим и Якуб, как поддерживавшие Василия II, в связи с последними событиями (вокняжение Шемяки) находились на литовском порубежье. Когда отряды Касима и Якуба двинулись на соединение со сторонниками Василия II, в Ельне они встретились с русскими войсками. Так как было неизвестно, кто перед татарами — сторонники Шемяки или же Василия Темного, между отрядами завязалась перестрелка. После того как татары узнали, что князь идет «искать» Василия II, которого к этому времени Шемяка уже отпустил на Вологду, недоразумение уладилось. Татары, по словам русских летописей, с сочувствием говорили о Василии II: «...братья над ним израду учинили, и они пришли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было»¹¹⁸. Конечно, сообщение летописей отражает события тенденциозно — «добро» и «хлеб» можно было бы назвать своими именами: русские города, передаваемые в «уделы» татарским царевичам, и огромный выкуп за великого князя, а также более постоянные даннические обязательства — «выход» в Казань и в «Царевичев городок» (Касимов).

Встреча великого князя Василия II с Касимом и Якубом произошла в Ярославле в начале (январь — февраль) 1447 г.¹¹⁹ Вскоре, 17 февраля 1447 г. («в пяток сырный»), Василий Васильевич с триумфом вошел в Москву¹²⁰. Шемяка вынужден был бежать.

По всей видимости, казанский хан Махмуд в июне — июле 1447 г. еще был заинтересован в Василии II как великом князе. Царевичей мы видим также на стороне Василия II. Это зафиксировано в «перемирной грамоте» Дмитрия Шемяки и его союзника можайского князя Ивана Андреевича с союзниками великого князя Михаилом Андреевичем Белозерским и Василием Ярославичем Боровским (датирована началом июля 1447 г.)¹²¹. Перемирие предусматривало прекращение военных действий галицкого и можайского князей с великим князем. Во время перемирия они обязались «на князя великого Василья Васильевича, и на князя Михаила Андреевича, и на князя Василья Ярославича, и на царевичев и на князей на ордынских, и на их татар не ити, и не изгонити их, не пастися им от нас никоторого лиха»¹²². Царевичи не названы по именам, однако в данный период (1445–1450 гг.) в Московском княжестве находились только Касим и Якуб, следовательно, речь здесь идет именно о них. Как видим, Касим и Якуб однозначно указаны в числе тех, кто поддержал Василия II.

Однако дальнейшие события заставили Махмуда сменить свои политические ориентиры в Московском княжестве. Как правильно отмечает А. А. Зимин, победы великокняжеских войск в 1446–1447 гг. привели к изменению характера отношений в треугольнике Василий II — Дмитрий Шемяка — Махмуд¹²³. Казанский хан понял,

¹¹⁷ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 87–88.

¹¹⁸Там же. Т. 26. С. 206; Т. 4. Ч. 1. С. 455; Т. 27. С. 273; Т. 6. С. 176; Т. 8. С. 120.

¹¹⁹Там же. Т. 26. С. 207; Т. 23. С. 154; Т. 15. Стб. 493; Т. 6. С. 178; Т. 8. С. 121.

¹²⁰Там же. Т. 26. С. 207; Т. 23. С. 154; Т. 15. Стб. 493.

¹²¹См.: ДДГ. № 46. С. 140–142.

¹²²Там же. № 46. С. 141.

¹²³Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 128.

какой опасностью для него стал московский великий князь, получивший престол из рук Улуг-Мухаммада. Верный традиционной ордынской политике, Махмуд решил теперь поддерживать Дмитрия Шемяку, т. е. слабейшего, и тем самым не допускать дальнейшего усиления власти Москвы.

В свою очередь, Дмитрий Шемяка, который также вел сложную политическую игру, после ряда неудач пришел к мысли о необходимости расширить фронт своих союзников. После того, как Махмуд предложил Шемяке союз против Василия II, он, видоизменив свою старую антиордынскую программу, охотно откликнулся на это предложение. Еще в 1445 г. Дмитрий Юрьевич не послал своих войск против сыновей Улуг-Мухаммада (прежде всего против Махмуда), и поэтому, видимо, уже тогда хан склонялся к тому, чтобы именно ему передать ярлык на великое княжение. Досадное стечение обстоятельств не позволило этим планам осуществиться. В конце 1447 г. Махмуд решил попытаться снова вернуться к планам 1445 г.

Касаясь общей политической ситуации в Восточной Европе в это время, отметим, что наряду с Махмудом наследниками бывшего величия Золотой Орды во второй половине 40-х годов XV в. были Сеид-Ахмад, кочевавший преимущественно в Подолии и упорно враждовавший с Казимиром IV, Кичи-Мухаммад, господствовавший в Диком Поле, и ставленник литовского великого князя Хаджи-Гирей¹²⁴.

В этой непростой обстановке, сложившейся в «Поле», Дмитрий Шемяка, пытаясь упрочить свои позиции в Среднем Поволжье, сделал ставку на Махмуда (конечно, все было не так однозначно: «Шемяка делал ставку на Махмуда» или «Махмуд делал ставку на Шемяку», в политике каждый пытается использовать в своих целях другого, в том числе и слабый может использовать сильного — в данной ситуации, разумеется, слабым был Шемяка, а не казанский хан).

По словам русских церковных иерархов (декабрь 1447 г.), Дмитрий Шемяка посылал в Казань своего посла настраивать хана Махмуда «на все лихо» против Василия II. В ответ на это, писали иерархи Шемяке, «посол его к тебе пришел, у себе его и ныне держишь»¹²⁵. Далее Махмуд «поймал да сковал и ныне держит» киличя Василия II «у себе, в железех скованного». Василий II посылал к Шемяке сначала своего боярина, потом своих детей боярских с тем, чтобы галицкий князь отпустил к нему посла Махмуда. Но Шемяка этого не сделал и даже не позволил послу Махмуда встретиться с великокняжеским боярином и детьми боярскими. Не отдал князь Дмитрий «все лутшее» из награбленного добра великого князя. Не вернул Шемяка и захваченных ярлыков, дефтерей и докончальных грамот¹²⁶. Дмитрий Юрьевич решительно отказывался платить дань Сеид-Ахмаду: «От царя Седи-Яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тебе посылал просити, что ся тебе имае дати с своей отчины в те в татарские просторы; и ты не дал ничего, а не зоучи царя Седи-Яхмата царем».

Закончив подготовку к выступлению против Дмитрия Шемяки, Василий II решает предпринять последний демарш, используя для этой цели авторитет церкви. 29 декабря 1447 г. высшие иерархи русской церкви (включая рязанского епископа Иону), явно по прямому указанию Василия II и его окружения, составляют послание Дмитрию Шемяке. В нем они перечисляют «вины» и «неисправления» мятежного князя, в первую очередь нарушение галицким князем последнего докончания с Ва-

¹²⁴Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 419; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 262.

¹²⁵Цит. по: Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 129.

¹²⁶АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 40. С. 80.

силием Васильевичем. Прежде всего, пишут они, обращаясь к Шемяке, «ты на него (Василия II. — *Б. Р.*) добываясь, а христианство православное до конца губя, съсылаешь с иноверци, с поганьством и с иными со многими землями, а хотя его и самого конечно погубити и его детки, и все православное христианство раздрушити»¹²⁷. Иерархи утверждают, что Дмитрий Шемяка пытается «подбить» на выступление против великого князя соседей: «... всюды во христианство, так и в бесерменство, к Новугороду к Великому посылаешь, ко князю Ивану Андреевичю посылаешь, к вятчаном посылаешь»¹²⁸.

Касаясь деликатного вопроса о татарах на Руси, иерархи от имени великого князя обещали, что, как только Шемяка «управится ... во всем чисто по крестному целованию», Василий II тотчас «татар из земли вон отошлет». Однако татары задержались на Руси — Касимовское ханство просуществовало с 1445 по 1681 г., и ни Касим, ни его сын Данияр, ни другие касимовские правители «вон» «из земли» высланы не были.

Тем временем хан Махмуд, поддерживающий в данной обстановке Шемяку, в Филиппово заговенье (15 ноября — 25 декабря) 1447 г. выступил воевать Владимир и Муром и иные города. Но Василий II послал против него войска (в том числе и Касима и Якуба), и набег казанского хана окончился ничем¹²⁹.

По всей видимости, в это время (ноябрь — декабрь 1447 г.) сыновья Улуг-Мухаммада — Махмуд, Касим и Якуб — уже не представляли собой идейное целое, и в политическом плане оказались по разные стороны «баррикад». Махмуд, являвшийся казанским ханом, счел для себя более выгодным поддержать в конфликте между Василием Темным и Дмитрием Шемякой последнего. Его постоянной целью было ослабление внутреннего положения Московского княжества как своего конкурента на внешнеполитической сцене. Ранее достижению этой цели способствовала поддержка через Касима и Якуба Василия II как данника казанского хана и сторонника протатарской политики. Поэтому Касим и Якуб служили проводниками политики своего отца на территории Московского княжества. В конце 1447 г. Василий II и его многочисленные к этому времени союзники сильно упрочили свое положение, что не входило в планы Махмуда, так как при таком развитии событий недалеко было и до выхода Василия II из подчинения Казани (что, в принципе, уже произошло — Василий II в Филиппово заговенье 1447 г. выслал против него войска). Поэтому Махмуд решил поддерживать Дмитрия Шемяку. Этого нельзя сказать о Касиме и Якубе, которые за достаточно длительное время союзничества с Василием II (октябрь 1445 — конец 1447 г.), по всей видимости, установили с ним и с его окружением неплохие партнерские отношения, и, несмотря на изменившуюся ориентацию их старшего брата, решили уже постоянно поддерживать великого князя. Вероятно, подобная поддержка была не безвозмездной — Василий II наверняка (как это обычно делалось для привлечения союзников) пообещал к уже полученному Мещерскому Городку присовокупить новые земельные владения.

К тому же, если принять на веру сообщения некоторых летописей (в частности, «Казанского летописца») о факте убийства Махмудом своего отца Улуг-Мухаммада (а таких случаев в истории Золотой Орды предостаточно), то объяснение полярности братьев получает следующее логическое подтверждение. Придя к власти через труп отца, Махмуд не мог вызвать содеянным благодарности братьев, в общем-то

¹²⁷ Там же. С. 79.

¹²⁸ Там же. С. 80.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 207.

ведущих независимое и самостоятельное существование. Именно желанием Касима и Якуба отомстить за отца руководствовался Василий II, направляя в 1447 г. войско против Махмуда и, естественно, преследуя свои цели. Поэтому поляриность позиций родных братьев — сыновей Улуг-Мухаммада — с осени 1447 г. вполне понятна и объяснима.

Весной 1449 г. (после пожара 25 апреля) в Твери распространился слух, что в поход на Тверскую землю выступает Казимир IV. Якобы и Дмитрий Шемяка, находившийся в Новгороде, собирался напасть на тверскую «украину»¹³⁰. Однако Шемяка тогда, очевидно, находился в Галиче.

На «Велик день» (13 апреля 1449 г.) Шемяка подошел «со многою силою» к Костроме¹³¹. Узнав о движении войск князя Дмитрия, в поход против него выступил и сам Василий II. С ним вместе в походе принимали участие и татарские царевичи Касим и Якуб «со всеми силами», князя Василий Ярославич и Михаил Андреевич, а также митрополит и епископы, так как походу придавался статус выступления против «клятвоступника»¹³². Неизвестно, откуда выступили Касим и Якуб в поход — возможно, что из Мещерского Городка, а возможно, что в данной нестабильной политической ситуации Василий II предпочитал их держать при себе, так как конница царевичей представляла собой мощную военную силу.

После того как войска подошли к Волге, Василий II отправил свою «братию» и татарских царевичей «воевать» Шемяку, а сам остановился в селе Рудине на Ярославщине. Однако враждующие стороны замирились.

В 1449 г. Касим (без Якуба) вновь появляется на исторической сцене. В этом году «скорые татарове Седи Ахметевы» дошли до Пахры, но были разбиты Касимом, выступившим из Звенигорода, и «розсунашася по земле»¹³³.

Некоторые исследователи, например, К. В. Базилевич¹³⁴, а также А. А. Зимин¹³⁵, опираясь на это сообщение Воскресенской и Никоновской летописей, полагают, что раз Касим выступил из Звенигорода, то можно сделать вывод о том, что первоначально Касиму был предоставлен в удел город Звенигород. Позволю себе с этим не согласиться. Выступление из Звенигорода — это еще не факт того, что Звенигород являлся в то время уделом Касима и, возможно, Якуба. В источниках в большинстве случаев вообще не указывалось, откуда в данное время (1445–1450 гг.) выступали в походы царевичи. В 1446 г. царевичи со своими отрядами встретились с русскими войсками в Ельне (откуда выступили царевичи — летописи молчат), в 1447 г. Касим и Якуб соединились с великим князем в Ярославле (место выступления опять неизвестно). В 1449 г., весной, Василий II брал с собой в поход против Шемяки татарских царевичей — Касима и Якуба (откуда они прибыли к нему, неизвестно; возможно, что они просто находились при Василии II, на случай срочных военных действий). Зимин полагает, что «в конце 1446 года татарские царевичи (в том числе и Касым) на московской службе размещались где-то на литовско-русском порубежье»¹³⁶. Это

¹³⁰См.: Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н. П. Лихачева. СПб., 1908. С. 34–36.

¹³¹ПСРЛ. Т. 26. С. 288. — В Московских летописях прямо не сказано, откуда вышел в поход Дмитрий Шемяка. В Ермолинской летописи говорится, что на Василия II «поидоша», «собравше силу многу», князя Дмитрий и Иван (ПСРЛ. Т. 23. С. 154).

¹³²ПСРЛ. Т. 26. С. 208.

¹³³ПСРЛ. Т. 8. С. 122; Т. 12. С. 74–75.

¹³⁴См.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 58.

¹³⁵См.: Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 136, 172.

¹³⁶Там же. С. 136.

утверждение Зимина, судя по летописной реконструкции событий, ошибочно. Татарские царевичи в конце 1446 года не размещались на литовско-русском порубежье, а *находились* там, так как вместе с некоторыми московскими служилыми людьми бежали в сторону Литвы от захватившего великокняжеский престол Дмитрия Шемяки¹³⁷.

Во время заключительного этапа феодальной войны 1445–1453 гг. царевичи попросту не могли находиться в одном месте, так как они поддерживали Василия II и были там, где он более всего нуждался в боевой коннице и пеших отрядах. Это мог быть как Звенигород, так и другой населенный пункт; зачастую они вообще находились вместе с самим великим князем для более оперативного реагирования на военные действия противника (Шемяки).

В конце 1449 — начале 1450 г. начался новый поход Василия II против Шемяки. Получив известие, что Дмитрий Шемяка пошел к Вологде, великий князь направился не в Галич, как предполагалось раньше, а в северные костромские волости Иледам и Обнора, для того, чтобы оттуда двинуться навстречу врагу в Вологду. Когда Василий II дошел до церкви св. Николы на Обноре, ему сообщили, что князь Дмитрий повернул к Галичу. Тогда Василий II двинулся вдоль р. Обнора вниз по течению, затем вдоль р. Кострома вверх и остановился у Железного Борока в Иоанно-Предтеченском (Железноборовском) монастыре, неподалеку от устья р. Векса. Здесь он прослышал, что Дмитрий Юрьевич не только уже в Галиче, но и собрал большое войско: около него людей много, «а город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам перед городом стоит со всею силою». Василий II назначил князя В.И.Оболенского главным воеводой и отправил его под Галич «со всею силою своею». С ним он отпустил и «прочих князей и воевод многое множество, потом же и царевичев отпустил и всех князей с ними»¹³⁸. Царевичи — это, безусловно, Касим и Якуб. Они вновь оказываются со своими князьями в рядах великокняжеского войска.

Двигаясь вдоль замерзшей Вексы, войска князя В.И.Оболенского 27 января 1450 г. подошли к Галичу. Князь Дмитрий расположился со всеми силами на горе под городом. Воеводы подошли к горе со стороны озера и начали подниматься на нее из оврагов. Из города стали стрелять из пушек, тюфяков и самострелов, но «не убиша никого же». В рукопашном сражении победили великокняжеские полки. Они «многих избиша, а лутчих всех руками яша, а сам князь едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился». Дмитрий Шемяка бежал в Новгород¹³⁹.

1450–1451-е годы (то есть примерно до начала 1452 года) Дмитрий Шемяка жил в Устюге, и активных военных действий против него те предпринималось. Правительство Василия II было занято другими проблемами, связанными с тревожным положением на южных и восточных границах Московского великого княжества. В 1450 г., когда великий князь находился в Коломне, к нему пришло известие, что на Русь «с Поля» движется улан Меулим-Бирды с татарскими князьями и «многими татарами». Против них были посланы отряд Касима с его татарами и воевода К. А. Беззубцев «с коломничичи». Они нагнали ордынцев на р. Битюг (приток Донца) «в Поле» и разбили их («побиша татар много»)¹⁴⁰. Как видим, даже при отсутствии военных действий с Шемякой Касим уже не оставался без дела — его послали про-

¹³⁷См.: ПСРЛ. Т. 23. С. 153; Т. 26. С. 206.

¹³⁸Там же. Т. 26. С. 209; Т. 8. С. 122, 123; Т. 6. С. 178, 179.

¹³⁹Там же. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 192.

¹⁴⁰Там же. Т. 23. С. 154; Т. 26. С. 210; Т. 27. С. 116; Т. 37. Л., 1982. С. 88; Т. 8. С. 123; Т. 12. С. 75.

тив татарских войск, что по окончании феодальной войны прочно войдет в практику как Василия II, так и его сына Ивана III.

В 1451 г. Дмитрий Шемяка пытается активизировать свои действия. В конце года великий князь получил известие, что Шемяка движется к Устюгу. Нужно было незамедлительно действовать. Проведя Рождество (25 декабря) в Москве, великий князь в знаменательный для него Васильев день (1 января) выступил из столицы в поход. Крещение (6 января 1452 г.) он провел в Троицком монастыре, а оттуда направился в Ярославль. Из Ярославля с войсками был отпущен сын великого князя Иван. Он должен был покарать кокшаров — жителей плодородной устюжской волости, занимавших земли вдоль р. Кокшенга (приток Устья, впадающий в Вагу)¹⁴¹.

Стратегическая цель планировавшейся военной экспедиции состояла в том, чтобы отрезать мятежный Устюг от его возможного союзника Новгорода¹⁴². Лишая Устюг экономической базы, Василий II стремился его обескровить и ускорить капитуляцию. Кокшенгский край был населен «инородцами», и привкус крестового похода против «поганых» чувствовался в экспедиции княжича Ивана. Двенадцатилетний наследник престола действовал под присмотром великокняжеских воевод. Василий Васильевич, лишенный из-за своей слепоты возможности активно участвовать в военных действиях, решил с малых лет привлекать княжича Ивана к бранным подвигам.

Сам Василий II двинулся к Костроме, обходя Устюг с юга. Придя в Кострому, он в дополнение к уже посланным войскам направил к княжичу Ивану султана Якуба с его татарами¹⁴³. Еще ранее на Устюг двинулись князь С. И. Оболенский и великокняжеский двор («иных многих, двор свои»). Как видим, в данном случае в одиночку действует уже Якуб, без Касима. Якуб выступает в поход «с татарами». Вероятно, это была та дружина султанов, с которой они прибыли в Московское великое княжество в 1445 г. Неизвестно, был ли у каждого из них свой отряд под непосредственным начальством каждого в отдельности, или же дружина была «общей» и с нею выступал в поход тот султан, который был готов к этому в данный момент (не был болен и т. д.). Однако известно, что в разных походах принимали участие и каждый султан в отдельности «с татарами» (не одновременно), и сразу оба султана «с татарами». На мой взгляд, дружина у царевичей была все же одна, так как в формулировку «татары» включались как простые служилые татары (казаки), так и титулованная прослойка военной знати — уланы, беки и мурзы, которых было не так много, чтобы каждый царевич имел своих собственных (учитывая, что пришли царевичи из одного государства — Казанского ханства).

Находившийся под Устюгом князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, узнав, что Василий II вошел уже в Галич, а великокняжеские воеводы приближаются к Устюгу, понял, что ему грозит реальная опасность окружения. Тогда он сжег посады Устюга, оставил в городе своего наместника Ивана Киселева и поспешил на Двину. В погоню за Шемякой отправились великокняжеские воеводы «с силою, Югом мимо Устюг», не задержавшись ни на один день под городом¹⁴⁴.

Якуб в это время с двенадцатилетним Иваном, будущим Иваном III, на Кокшенге расправлялись с кокшарами — «градцы их поймаше, а землю всю поплениша и в полон поведоша». По Устюжской летописи, путь их пролегал с Андреевых селищ и

¹⁴¹ Там же. Т. 26. С. 212.

¹⁴² Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 148.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 6. С. 179, 180; Т. 8. С. 125.

¹⁴⁴ Там же. Т. 37. С. 89; Т. 26. С. 212.

Галишны на р. Городшина, приток Сухоны, далее на Сухону, Селенгу и, наконец, на Кокшенгу (ее верховья близки к Сухоне). Здесь Иван Васильевич «город Кокшенской взял, а кокшаров секл множество»¹⁴⁵. Великокняжеская рать дошла до устья Ваги и Осипова Поля и вернулась «со многим пленом и великою корыстью»¹⁴⁶.

Это последнее появление Якуба в источниках. После 1452 г. он более не упоминается. Возможно, что он умер, либо просто по каким-либо причинам сошел с исторической сцены. Это также последнее упоминание об участии татарских царевичей в последнем, заключительном этапе феодальной войны (1445–1453 гг.). Как известно, она закончилась в 1453 г. отравлением Дмитрия Шемяки в Новгороде.

Подведем некоторые итоги. В самом начале завершающегося этапа войны, в 1445–1446 гг., султаны Касим и Якуб служат в Московском великом княжестве проводниками политики Улуг-Мухаммада, исходя из которой один из них, Касим, получил во владение Мещерский Городок на Оке, в результате чего было образовано Касимовское ханство. Так как договоренность была заключена Улуг-Мухаммадом с Василием II и именно он был данником и вассалом ордынского царя, то царевичи в этот период поддерживают именно его. Однако в 1447 г. политическая ситуация изменилась, и новый казанский хан Махмуд решил сделать ставку на Шемяку как на более слабого. Царевичи остались верны Василию II, так как за два года партнерства с ним они, по всей видимости, нашли более перспективным поддержать усилившегося великого князя и прочно связать свои политические судьбы с его судьбой. Их расчет был верным. В феодальной войне победил Василий II, и, по всей видимости, он не забыл о поддержке царевичей. Возможно, земельные владения царевичей еще более увеличились.

Полярность позиций родных братьев — казанского хана Махмуда и московских служилых султанов Касима и Якуба отчасти объясняется их различными политическими судьбами — Махмуд возглавлял враждебное Москве Казанское ханство, царевичи же волею исторических судеб оказались в рядах партнеров Василия II и находились в Московском княжестве и соответственно просто по объективным причинам не могли быть врагами Москвы.

4.

В 1462 г. московский престол занял сын Василия Темного Иван III (1462 — 1505). В годы его правления фактически завершилось объединение русских земель. Иван III был одним из трех русских правителей, которых потомство назвало великими. Оставленный им след в русской истории был глубок и значителен. Во время его правления были решены задачи, поставленные еще в предшествующий период, — объединение русских земель и освобождение от ордынской зависимости. Однако деятельность Ивана III не ограничивалась выполнением только этих задач. При нем началось строительство централизованного государства и формирование основных направлений внешней политики России, т. е. намечались пути, по которым должна была пойти Россия в следующем, XVI столетии.

Смена великого князя не могла не отразиться и на положении Касимовского ханства. По мере усиления Московского великого княжества, которое уже начало сказываться в первое пятилетие княжения Ивана III (успехи в подчинении Ярославского и

¹⁴⁵ Там же. Т. 37. С. 89; Т. 27. С. 118.

¹⁴⁶ Там же. Т. 26. С. 212.

Ростовского княжеств, реальная власть Москвы в Рязанском княжестве, признание верховной власти московского великого князя Псковской боярской республикой), фактического расширения владений Московского государства Касимовское ханство оказалось в черте этих подчиненных Москве княжеств. В связи с этим терялась функция Касимовского ханства по защите русских земель от набегов кочевников с востока, постепенно сходит на нет роль «буферного государства». С утратой этого значения Касимовским ханством меняется и положение касимовских владельцев, их отношение к московскому великому князю. Фактом убийства Улут-Мухаммада руки Василия II были развязаны. Отсутствие поддержки со стороны Казани, а может быть, и нежелание принимать ее из рук отцеубийцы, ставило Касима и Якуба в двусмысленное положение. Из посланников-контролеров касимовские правители превращаются в слуг Ивана III и последующих русских государей, теряя некоторые из прав, которыми они обладали на раннем этапе существования ханства. Правда, они все еще продолжали пользоваться значительной долей самостоятельности, особенно в делах внутреннего управления ханством.

5.

Из двух крупных частей распавшейся Золотой Орды — Большой Орды и Казанского ханства — самую большую опасность для великого княжества Московского в середине XV в. представляло именно Казанское ханство, «нависавшее» над суздальско-нижегородской окраиной¹⁴⁷. В середине XV в., как отмечают многие авторитетные исследователи, ханство переживало процесс внутреннего укрепления. И хотя после возвращения из казанского плена Василию II удавалось предотвращать новые нападения Казани, это обстоятельство нельзя рассматривать как признак долговременных мирных отношений между Москвой и Казанью. Поэтому Московское княжество стремилось всеми средствами нейтрализовать влияние и силу Казанского ханства. Одним из таких средств было воздвижение своего ставленника на казанский ханский престол.

В 1467 г. в Казани скончался хан Халиль (сын Махмуда)¹⁴⁸. Он умер бездетным, и после его смерти ханом был провозглашен его брат Ибрагим. Согласно мусульманскому обычаю, вдова Халиля ханша Нур-Султан вышла замуж за Ибрагима (Халиль и Ибрагим были сыновьями хана Махмуда) как за брата своего покойного мужа.

В течение 60-х годов XV в. в руководящих кругах Казанского ханства наметилось образование двух политических направлений. Из-за недостаточного количества источников и неразработанности данного вопроса в научной литературе, трудно определить главные составляющие их разногласий и выяснить характер течений. Одну группу, по-видимому, устраивали существующие властные взаимоотношения в Казани, другую можно условно назвать оппозицией по отношению к правительственному курсу. Во главе оппозиции стоял «князь» (видимо, бек) Абдул-Мумин. Смертью хана Халиля в 1467 г. и воспользовалась эта оппозиция, как говорит М. Г. Худяков, для попытки «произвести переворот»¹⁴⁹. Она выдвинула нового кандидата на ханский престол — это был Касим, проживавший в то время, как мы знаем, в Мещерском Городке, дядя Халиля и Ибрагима.

¹⁴⁷Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 57.

¹⁴⁸Худяков М. Г. Очерки... С. 36.

¹⁴⁹Там же. С. 37.

Борьба за престол была вызвана тремя причинами — династическими соображениями, политическими разногласиями внутри Казанского ханства и вмешательством московского правительства.

С точки зрения династических соображений это была борьба за власть между дядей и племянником, каких немало можно насчитать в истории удельной Руси. Это была борьба между родовым «очередным» порядком правления и единонаследием верховной власти. Из сыновей Улуг-Мухаммада старший, Махмуд, получил Казанское ханство, средний, Касим, был удельным государем в Мещере. После смерти хана Халиля (он был сыном Махмуда) возник вопрос, должен ли Касим перейти из Мещерского Городка на ханский престол в Казани. Династический характер борьбы, происходившей между Касимом и Ибрагимом, в литературе освещался слабо: С. М. Соловьев¹⁵⁰ и В. В. Вельяминов-Зернов¹⁵¹ видели стержень всей борьбы не в притязаниях Касима, а исключительно во внутренней оппозиции в Казани, Карамзин склонен был наделять большей инициативой самого Касима, который «имел сношения с вельможами казанскими»¹⁵², но он не обратил внимания на династическое соотношение Касима и Ибрагима, подчеркнув то обстоятельство, что последний был пасынком первого, а не то, что он был его племянником.

Историк Казанского ханства М. Г. Худяков так объясняет ситуацию: царевич Касим жил далеко, вне Казани, и его права на престол были чисто формальными; от него могли ждать чего-то нового в государственном управлении. Царевич же Ибрагим был перед глазами, и от него можно было ожидать лучшего знакомства с текущими делами Казанского ханства; устранить такого естественного кандидата могло быть выгодно лишь для тех, кто был не доволен существовавшим порядком и желал перемен с переходом власти к приехавшему издалека и престарелому кандидату, едва ли знакомому с внутренними казанскими делами. Вокруг Ибрагима, очевидно, объединились все те, кто был у власти в правление ханов Махмуда и Халиля, — для них новое царствование представлялось непосредственным продолжением предыдущих, и они не хотели подвергать себя случайностям новой политики, которая могла исходить от султана, приехавшего в Казань из-за границы¹⁵³. Кандидатуру Касима должны были поддерживать те, кто имел основания ждать политических перемен и рассчитывал играть видную роль при новом правительстве, которое было бы обязано этой группе своей властью. В. В. Вельяминов-Зернов высказал мысль, что против Ибрагима были князья, им угнетаемые¹⁵⁴. Логичным выглядит предположение, что к власти стремились лица, не удовлетворенные прежним положением дел.

Кандидатура царевича Касима, жившего у себя в Городке, повлекла за собой вмешательство московского правительства в дела Казанского ханства, выразившееся в помощи царевичу военной силой. Касим выступил в качестве претендента на казанский престол, опираясь не только на свое татарское войско, но также получив поддержку от московского правительства. Не располагая в Касимовском ханстве значительными силами, Касим поддержал инициативу Ивана III о предоставлении ему мощной военной поддержки. Как бы то ни было, факт остается фактом: Касим выступил во главе своих татар и в сопровождении сильного русского войска,

¹⁵⁰Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5–6 // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. Кн. III. М., 1989. С. 63.

¹⁵¹Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... Ч. 1. С. 53–54.

¹⁵²Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4–6. Ростов н/Д., 1994. С. 37–38.

¹⁵³См.: Худяков М. Г. Очерки... С. 37–38.

¹⁵⁴Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... Ч. 1. С. 53.

находившегося под начальством князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского (по сведениям Никоновской и Софийской II летописи, он был с «прочии» — кто был с ним конкретно, не уточняется¹⁵⁵; по данным Новгородской IV летописи и Воскресенской летописи, со Стригой-Оболенским был Иван Юрьевич Патрикеев¹⁵⁶; Софийская I летопись в числе воевод великого князя указывает Даниила Дмитриевича Холмского¹⁵⁷). Несомненно, говорить в данном случае о «поддержке» или «помощи» московского правительства можно лишь условно, так как на самом деле с его стороны это было не чем иным, как завуалированным использованием Касима в целях внешней политики. Касим же, видимо, преследовал свои цели — надеялся получить реванш за коварное убийство Улуг-Мухаммада Махмудом и оттеснить его ближайших родственников от власти.

В связи с этим хотелось бы снова коснуться изменившейся политической обстановки и связанной с нею эволюции положения как Касима внутри Русского государства, так и его «удела» — Мещеры.

Ситуация, когда московское правительство решило вмешаться в казанские дела (сентябрь 1467 г. — «с Воздвижения дни»), существенно отличалась от времени суздальского поражения 1445 г. В течение XV в. складывалось Русское единое государство, формирование которого сопровождалось быстрым усилением его центра — Москвы; политическое возвышение Московского государства возрастало с каждым десятилетием, и если в 40-х годах XV в. мы видели Василия II татарским пленником и данником, то теперь, в 60-х, на московском престоле сидел энергичный правитель, гениальный администратор и организатор Руси, уверенно выступавший на широкое поле международной политики.

Правительство Ивана III, сменившего Василия Темного, развивало свою деятельность в совершенно новом, широком масштабе, и в своем размахе опиралось на рост сил страны, которая успела оправиться и окрепнуть после понесенного поражения.

Иван III, вступивший на престол в 1462 г., вскоре же начал проявлять активную политику по отношению к Казанскому ханству, и поддержка, оказанная Касиму, явилась первым шагом этой политики. В случае предоставления ханского престола царевичу, 20 лет прожившему в Русском государстве и бывшему в некотором смысле своим человеком, московское правительство, вероятно, надеялось достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства. С этого времени мы можем отметить и некоторое изменение положения Касимовского ханства и его царей и царевичей в Русском государстве. Московские великие князья и цари, сначала очень осторожно, как в случае с Касимом, а затем и открыто (Шах-Али, Джан-Али), начинают использовать касимовских правителей в своих целях. Само же Касимовское ханство постепенно движется к статусу марионеточного государства, каким мы его видим впоследствии. Конечно, ничего этого нельзя сказать применительно к 1445 г., когда Москва еще не была достаточно сильна.

Относительно претензий Касима на казанский престол можно отметить еще и такое обстоятельство. В Москве принят наследственный принцип передачи власти от отца к сыну. Применительно же к Казани (случай с Касимом) московское руководство поддерживало принцип от старшего брата к младшему. Разумеется, вряд ли здесь можно говорить о поддержке московским правительством системы «лествичной» власти. Это не что иное, как политика. Москва поддерживала того претендента

¹⁵⁵ПСРЛ. Т. 12. С. 118; Т. 6. С. 187.

¹⁵⁶Там же. Т. 8. С. 152; СПб., 1848. Т. 4. С. 132, 149.

¹⁵⁷Там же. Т. 5. СПб., 1851. С. 274.

на казанский престол, который был ей удобен и выгоден в данный момент.

Первые шаги московского войска и Касима против Казани были неуверенными и довольно неудачными. По новгородской летописной версии событий, Касим с воеводами встали на Горной стороне Волги «втаи» (тайно, т. е. сделали засаду). Казанские татары переправились на Горный берег и уже вышли из судов, но перебить их помешал «постельник великого князя» некий Айдар Карпович Григорьев, который «устрашил» татар своим боевым кличем, и они скрылись от русских на Луговом берегу, избежав таким образом неминуемой гибели¹⁵⁸. Эту же трактовку повторяет Софийская I летопись¹⁵⁹. Никоновская, Софийская II, а также Воскресенская летописи описывают выступление Касима к Казани так. Осенью 1467 г., с «Воздвижениева дни», Касим с московскими воеводами отправился под Казань. Подойдя к Волге, москвичи стали искать место для переправления на Луговой берег, но здесь их встретил казанский хан Ибрагим и не позволил им переправиться¹⁶⁰. Причем если все летописи говорят о том, что Касим «позван бысть царевич от князей Казанских, от Абдул-Мамона и от прочих, на царство лестию, он же надеася на них, а лести их не ведаа, испроси силу у великого князя, чаа получитьи обещанное ему», т. е. инициатива в организации похода принадлежит Касиму, который не ведал лести казанских вельмож, то Воскресенская летопись в заголовке перед описанием этого события выражается крайне ясно: «О царевиче Касиме, како ходил к Казани с великого князя воеводами на великого князя службу» — Касим-то, оказывается, ходил на службу великому князю! Инициатива в организации и военно-политическом обеспечении похода в интерпретации этого тенденциозного текста исходила от великого князя, Касим в понимании великого князя и отражающих его устремления летописцев к этому времени уже превратился в его пешку. Правда, Воскресенская летопись, как утверждает Шахматов, составлена в 30-х или 40-х годах XVI в., т. е. в позднейшее время, и здесь возможна уже поздняя редакция текста, когда все подгонялось под инициативу московских князей и царей.

Итак, войско, данное на поддержку Касиму, встретило хорошо организованное сопротивление среди жителей Казанского ханства. Хану Ибрагиму без труда удалось объединить силы своего государства и дать дружный отпор Касиму. Пройдя к Волге, русское войско и Касим увидели на другой стороне многочисленные отряды хана Ибрагима. Ибрагим со своим войском не допустил переправы Касима, и ему с воеводами ничего не оставалось, как идти назад. Причем по пути домой войско претерпело большие лишения¹⁶¹. Вскоре после этого Касим, по-видимому, умер. Сделать вывод о его смерти (около 1469 г.) можно из следующего факта: в этом г. великий князь Иван III отпустил в Казань к хану Ибрагиму жену Касима¹⁶² (по мусульманскому обычаю) — разумеется, нелогично и нелепо при живом муже отпускать его жену к племяннику мужа. Видимо, Иван III решил и здесь применить хитрый политический ход — как-либо воздействовать через мать на сына (жена Касима была матерью Ибрагима, так как досталась ему в жены после смерти брата Касима — казанского хана Махмуда; согласно мусульманскому обычаю, вдова Махмуда).

Относительно внутренней политической жизни Касимовского ханства при его

¹⁵⁸ Там же. Т. 4. С. 149.

¹⁵⁹ Там же. Т. 5. С. 274.

¹⁶⁰ Там же. Т. 12. С. 118; Т. 6. С. 187; Т. 9. СПб., 1859. С. 152.

¹⁶¹ Там же. Т. 12. С. 118; Т. 6. С. 187; Т. 8. С. 152.

¹⁶² Там же. Т. 6. С. 190; Т. 8. С. 156–157; Т. 12. С. 122.

первом правителе данных крайне мало. Лишь в уже упоминавшейся договорной грамоте Ивана III с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, датированной 9 июня 1483 г., мы узнаем о двух государственных деятелях времени правления Касима — князьях Кобяке (сын Айдара) и Исаке (сын Ахмада)¹⁶³. Великий князь московский Василий II договаривался с ними о денежных выплатах, которые шли с рязанской земли как касимовскому царевичу, так и его должностным лицам — князьям, дарагам (сборщики дани) и казначеям. Таким образом, высшее политическое окружение царевича («князья» — по всей видимости, карача-беки — Кобяк и Исак в данном случае) играло заметную роль в контактах с Москвой.

Итак, Касим являлся первым владельцем Мещерского Городка и своего рода «удельным царевичем» с 1445 по 1469 гг. В памяти касимовских татар Касим слывет строителем мечети и первого дворца в Мещерском Городке. В дальнейшем этот городок был назван в честь первого своего владельца — Касимовым. По некоторым данным, Мещерский Городок был переименован в Касимов в 1471 г.¹⁶⁴, однако в широкое употребление это название вошло только в XVII в.

После Касима владельцем и султаном был его сын Данияр (правил в Касимове в 1469–1486 гг.). Это можно заключить из уже приводившихся выше договорных грамот, где Данияр ясно выступает как преемник Касима¹⁶⁵. Данияр в отличие от Касима не имел формальных прав на казанский престол (он был внуком Улуг-Мухаммада; его отец Касим, хотя и имел династические права на Казань, но никогда там не правил; соответственно его сын Данияр терял право предъявлять какие-либо претензии на ханский престол). Данияра нельзя назвать «тяжелым аргументом» московской внешней политики, каковым являлся Касим. С Казанью в 1470–1478 гг. поддерживались мирные отношения, да и позиции хана Ибрагима были достаточно сильны. В первой половине 80-х годов XV в. Ивану III было также явно не до Казани, решалась проблема освобождения от ордынской зависимости и создания военно-дипломатической коалиции против Казимира IV. Поэтому Данияр используется московским правительством только в военных операциях.

Данияр упоминается в русских летописях в связи с походом Ивана III на Новгород в 1471 г. Поход московских войск начался летом 1471 г. 6 июня выступил авангард во главе с князем Д.Д.Холмским, неделю спустя отправилась другая группа войск во главе с князем И.В.Стригой-Оболенским; со второй группой отправились и касимовские татары¹⁶⁶. Сам Иван III выступил из Москвы 20 июня, и уже с ним пошел и сам Данияр с еще одним отрядом касимовцев¹⁶⁷. В число татар Данияра входили его уланы, князья, мурзы и казаки. 14 июля на реке Шелони произошло сражение, которое решило исход летней кампании 1471 г. Новгородское ополчение, многократно превышавшее по численности московский авангард, было разбито наголову. В этой битве отличился и Данияр со своими татарами; его отряд потерял 40 человек¹⁶⁸. Интересно, что татарам, бывшим в походе с Данияром, было запрещено брать людей в плен¹⁶⁹. Видимо, держа у себя на службе мусульман и пользуясь их помощью, Иван III все же не желал, чтобы они вершили судьбы его единовер-

¹⁶³ ДДГ. № 76. С. 284, 287–288.

¹⁶⁴ См.: Шишкин Н. И. История города Касимова. . . С. 9.

¹⁶⁵ ДДГ. № 76. С. 284, 287–288; подробнее см.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование. . . Ч. 1. С. 73–74.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 192; Т. 8. С. 162; Т. 12. С. 130.

¹⁶⁷ Там же. Т. 6. С. 9, 192; Т. 8. С. 163.

¹⁶⁸ Там же. Т. 6. С. 193.

¹⁶⁹ Там же. С. 192.

цев. По окончании похода великий князь, одарив Данияра, отпустил его обратно в Касимов¹⁷⁰.

В 1470—1471 гг. между Ордой и Литвой идут интенсивные дипломатические переговоры о совместных действиях против Московской Руси. Летом 1472 г. Ахмад, хан Большой Орды, видимо, претворяя в жизнь договоренность с Казимиром IV, предпринял поход на Москву¹⁷¹.

Ордынцы впервые встретили прочную оборону русских рубежей от Коломны до Алексина протяженностью около 150 км. На этом пространстве сосредоточились войска численностью от 150 до 180 тыс. человек. Принимала участие в обороне границ по Оке и конница служилых татарских феодалов, в том числе и Данияра, который стоял на Коломне¹⁷². Ахмад, не сумев переправиться через Оку в районе Алексина, в первой половине августа поспешно отступил. Как прибавляют Софийские I и II летописи, а также Новгородская IV летопись, немалая заслуга в этом принадлежала и Данияру — хан Ахмад очень опасался, чтобы он и еще один царевич, бывший на службе у великого князя, Муртаза, не «взяли Орды и жен его», которых он оставил на самой границе¹⁷³. После отступления Ахмада и его Орды Иван III отпустил Данияра в Касимов¹⁷⁴. Судя по всему, военный успех этой кампании позволил московскому правительству прекратить выплату дани в Большую Орду.

В декабре 1477 г. Данияр с касимовскими («городецкими») татарами был в рядах великокняжеского войска, которое шло на Новгород, и участвовал в низвержении Новгородской республики¹⁷⁵.

Для выяснения внутреннего положения Касимовского ханства в структуре формирующегося Русского государства в правление Данияра (1469–1486) обратимся к данным все тех же договорных грамот. Договорные грамоты Ивана III с его братьями — удельными князьями Борисом Васильевичем Вологодским (13 февраля 1473 г.)¹⁷⁶ и Андреем Васильевичем Углическим (14 сентября 1473 г.)¹⁷⁷ говорят следующее: «А царевича нам Даньяра, или хто по нем на том месте иныи царевич будет, мне, великому князю, и моему сыну, великому князю, иного царевича отколе принять в свою землю, своего дея дела, и хрестьянского для дела, и тебе и того держати с нами с одного»¹⁷⁸. Эта цитата позволяет говорить о том, что, во-первых, содержание царевичей (имеется в виду именно финансовое содержание, т. е. платеж «выхода») являлось совместным делом московского великого князя и его удельных братьев — в «выход» вносились деньги как из казны Московского великого княжества, так и из казны удельных княжеств; во-вторых, в данное время (1473 г.) касимовские правители все более приближались к рангу бесспорных вассалов великого князя — их держат «своего дея дела, и хрестьянского для дела». Ни о какой политической самостоятельности касимовских владельцев в это время уже

¹⁷⁰ Там же. С. 14, 193.

¹⁷¹ Там же. Т. 4. С. 151; Т. 6. С. 31–32, 195; Т. 8. С. 174–175; Т. 12. С. 149–150.

¹⁷² Там же. Т. 4. С. 151; Т. 6. С. 31–32, 195; Т. 8. С. 174–175; Т. 12. С. 149–150.

¹⁷³ Там же. Т. 4. С. 151; Т. 6. С. 31–32, 195.

¹⁷⁴ Там же. Т. 8. С. 174–175; Т. 12. С. 150.

¹⁷⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 18–19; Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 13; ПСРЛ. Т. 4. С. 259–260; Т. 6. С. 207, 213; Т. 8. С. 185, 191; Т. 12. С. 172, 179.

¹⁷⁶ ДДГ. № 69. С. 226, 231–232; 228.

¹⁷⁷ Там же. № 70. С. 234, 238, 244, 249; 236, 240–241, 246.

¹⁷⁸ Там же. № 69. С. 226.

нет и речи.

Эти взаимные обязательства Ивана III с Андреем Васильевичем и Борисом Васильевичем были повторены в договорных грамотах от 2 февраля 1481 г.¹⁷⁹

Еще об одном источнике финансовых поступлений для касимовского царевича, а также для его приближенных — князей, дарагов и казначеев, говорит договорная грамота Ивана III с рязанским великим князем Иваном Васильевичем, датированная 9 июня 1483 г., на анализе которой мы подробно останавливались выше: «А что шло царевичю Касыму и сыну его Даныю царевичю с вашии (рязанской. — *Б. Р.*) земли при твоём деде, при великом князи Иване Федоровиче, и при твоём отце, при великом князи Василье Ивановиче, и что царевичевым князем шло, и их казначеем, и дарагам, а то тебе давати с своеи земли царевичю Даныю, или кто инои царевич будет на том месте, и их князем, и княжим казначеем, и дарагам по тем записем, как отец мой, князь велики Василей Васильевич, за твоего отца, за великого князя Василья Ивановича, кончал со царевичевыми с Касымовыми князми, с Кобыком са Аидаровым сыном да с-Бусаком с Ахматовым сыном. А ясачных людей от царевича от Даныяра, или кто будет на том месте инии царевич, и от их князей тебе, великому князю Ивану, и твоим боярам, и твоим людям не приимати. А которые люди вышли на Рязань от царевича и от его князеи после живота деда твоего, великого князя Ивана Федоровича, бесерменин, или морьдвин, или мачаринь, черные люди, которые ясак царевичю дают, и тебе, великому князю Ивану, и твоим бояром тех людей отпустить добровольно на их места, где кто жил. А кто не похочет на свои места пойти, ино их в силу не вывести, а им царевичю давати его оброки и пошлыны по их силе. А что давали те люди деду твоему, великому князю Ивану Федоровичю, и отцу твоему, великому князю Василью Ивановичю, и ты свои пошлыны емлешь, а царевичю в то не вступатися, ни его князем. Так же и опрочь того, которой царь или царевич будет у нас в нашей земле, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо. А учнут тебя чем обидети, и нам за тебя стояти и боронити»¹⁸⁰.

Из текста грамоты можно сделать следующие выводы. Во-первых, опять-таки идет речь о «выходе», который платился и из казны Рязанского великого княжества («А что шло царевичю Касыму и сыну его Даныю царевичю с вашии земли. . .»). Итак, деньги в «выход» вносились из казны Московского великого княжества, удельных княжеств Московского великого княжества, а также из казны Рязанского великого княжества, на территории которого и располагалось Касимовское ханство. Во-вторых, кроме «выхода», царевич и его князья собирали подати — ясак как с местного языческого населения (мордва, мещера), так и с татарского («бесерменин», т. е. мусульманин). В-третьих, одновременно с царевичем с этого же населения собирались пошлыны и рязанским великим князем. Таким образом, Касимовское ханство было весьма существенной финансовой «обузой» как для Москвы, так и для Рязани.

Важные данные относительно статуса касимовского правителя и Мещерского юрта в целом содержит дипломатическая переписка. Когда в 1474 г. разбиралось обычное для средневековья дело о «грабеже» русских купцов на территории Кафы, кафинцы предъявляли ответные претензии о таком же «грабеже» на территории Руси: «что их пограбили царевичевы казаки (касимовские татары. — *Б. Р.*)». Великий князь Иван III отвечал:

Ино яз к вам и первее сего приказывал, **царевич** (имеется в виду Данияр. — *Б. Р.*)

¹⁷⁹ Там же. № 72. С. 254, 259, 265, 257, 262, 267; № 73. С. 270, 272, 275.

¹⁸⁰ Там же. № 76. С. 284–285.

великого царя род Тахтамышев (выделено мной. — *Б. Р.*), а уланов и князей и казаков у него много; как к нему приезжают люди многие на службу, так от него отъезжают люди многие; и нам почему ведати, хто будет ваших купцов пограбил? А у нас тот грабеж не бывал¹⁸¹.

Во-первых, можно сделать вывод о некоторых элементах независимости Мещеры — великий князь как бы дает понять кафинцам, что не несет ответственности за то, что происходит на территории юрта? — это, мол, не в его компетенции, территория является автономной. Вряд ли можно представить себе, чтобы так же московский правитель мог говорить о происходящем на территории русского удельного княжества. Конечно, это могло быть просто лукавством (как часто и делали великие князья, научившись данному искусству у ордынских ханов), но возможно, и я склонен полагать именно так, что данная запись отражает средневековые реалии. Во-вторых, и это очень важно, выделенные мною строки недвусмысленно говорят о том, что в рамках тех правовых норм, которые господствовали на территории позднезолотоордынского «*Рах Mongolica*», статус, правда формальный, касимовского правителя как Чингизида был существенно выше покоренной когда-то Бату династии Рюриковичей. Так что присутствующие в историографии рассуждения об однозначной «марионеточности» касимовских правителей есть не что иное, как перенесение значительно более поздних реалий на XV, да и на XVI в.

Данияр умер, вероятно, в 1486 г.; в этом году в договорных грамотах великого князя с братьями на месте, где стояло имя Данияра, стоит теперь имя Нур-Даулета: «А царя Нурдовлата, или кто по нем иныи царь или царевич будет на том месте, и тебе его держати с нами с одного»¹⁸² (датированы 20 августа и 30 ноября 1486 г.).

Касим и его сын Данияр, первые два правителя Касимовского ханства, были потомками Улуг-Мухаммада. Со смертью в 1486 г. Данияра эта династия на касимовском престоле пресеклась.

* * *

Одним из субъективных результатов феодальной войны на территории будущего Русского государства второй четверти XV в. оказалось образование в 1445 г. на смежных землях Рязанского и Московского княжеств Касимовского ханства. Оно могло появиться лишь в обстановке вражды и непримиримости в Московском великокняжеском доме, достаточно частой смены великих князей. Анализ данных договорных и духовных грамот великих и удельных князей за период 1481–1553 гг., экстраполированных на вторую четверть — середину XV в., позволяет сделать вывод о том, что Касимовское ханство возникло в силу условий выкупа, который был обещан московским великим князем Василием II хану Улуг-Мухаммаду в 1445 г. после поражения русских войск под Суздалем. Тексты грамот недвусмысленно говорят о том, что в Касимов, так же как и в Казанское, Крымское, Астраханское ханства и Большую Орду, платился «выход» (дань) как с земель Московского, так и Рязанского великого княжества. Следовательно, Касимовское ханство являлось весьма существенной финансовой «обузой» для подданных русских княжеств. Его образование не было добровольной мерой со стороны Московского княжества. В

¹⁸¹Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 1. С. 8.

¹⁸²ДДГ. № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328.

первые годы своего существования оно было свидетельством поражения Москвы, кусочком татарской территории на русской земле.

Однако уже в первые годы правления Ивана III стало очевидно, что формирующееся на московской основе Русское государство само претендует на правящую роль в регионе. Соответственно изменяется и роль Касимовского ханства, которое превращается в послушное московскому правительству, служащее политическим целям Москвы. Внешне ничего не меняя в отношении этого государства, московское руководство сделало его орудием в своих руках, превратив свои «минусы» 1445 г. в «плюсы» первых лет правления Ивана III.